

Инструкторы тоже наконец подросли. Инструктор Лю смотрел на двух человек на земле, и в его взгляде читалось одновременно удивление и сложная гамма чувств.

Он, вероятно, не ожидал, что там и правда окажется этот парень Цзун Чихуай.

— Се Жун, за беспричинную драку отправляют в карцер. — Глаза инструктора Лю были полны смешанных эмоций.

Се Жун вытер кровь с уголка губ:

— Я не нападаю первым.

— Инструктор, если мне не изменяет память, в карцер сажают того, кто начал драку.

— Я всего лишь не смог поднять рюкзак, и он упал перед Цзун Чихуаем. А он напал на меня. Не мне нести за это ответственность.

Это... да, так и было.

Все присутствующие курсанты видели, что произошло, и первым действительно напал Цзун Чихуай.

Инструктор Лю подумал: «Вот ведь заноза».

С суровым лицом он произнес:

— Цзун Чихуай по окончании сегодняшней тренировки отправится в карцер. — Оглядев раны на телах обоих, инструктор Лю с досадой добавил: — Оба идите в медпункт и приведите себя в порядок.

И предупреждающе подчеркнул:

— Если по дороге снова начнете драться, в карцер пойдете оба!

Се Жун поднялся первым и сразу направился в медпункт.

Когда он уходил, все курсанты провожали его взглядами, полными негодования: «Вот это крутой чувак».

Се Жун сначала нашел место и сделал укол ингибитора, подавив начинавшую разгораться течь.

[Жунжун, тебе больно?]

606 смотрел на его красивое лицо, которое теперь было повреждено, и беспокойно подпрыгивал в его сознании.

Но, присмотревшись еще пару раз, беспокойство сменилось чем-то иным. 606 рассматривал рану на лице Се Жуна, его холодный взгляд, красивое, утонченное, но хищное лицо.

Почему, это вызвало волнение. Система не знала, что это называется «эстетика батл-дэмеджа», просто возбужденно подпрыгнула пару раз.

А потом своей системной камерой сделала фотографию Се Жуна.

Щелк – раздалось в голове. Бровь Се Жуна дернулась:

— Что ты делаешь?

Он слегка нахмурился, казалось, что он злится. Голос 606 стал тише: [Жунжун... я, я сфотографировал тебя. Хочешь посмотреть?]

Се Жун не понимал внезапной выходки Системы, но и не стал ее останавливать:

— Не надо, снимай что угодно. Сначала я в медпункт.

606 тут же обрадовался: значит, Жунжун совсем не злой!

Пока Се Жун делал укол, прошло немного времени. Когда он добрался до медпункта, Цзун Чихуай уже был там.

Едва встретившись взглядами, оба тут же отвернулись.

Военврач принес йод и бинты:

— У кого повреждения серьезнее, тот первый подходите.

После этих слов никто из них не сдвинулся с места – оба не желали признавать, что их раны серьезнее.

Врач был Бетой, и его ужасно раздражали Альфы, которые каждый визит в лазарет воспринимали как величайший позор.

«Подумаешь, полечиться! Проклятое самолюбие Альф!» – у врача не было ни малейшего желания их поддерживать.

Он с раздражением оставил лекарства:

— Раз вы оба считаете, что легко ранены, то лечитесь сами. Сначала продезинфицируйте раны йодом, потом наложите бинты сами.

— Я пойду за новой партией материалов. Если есть что-то еще, подождите моего возвращения. Вопросы есть?

Дождавшись молчания обоих Альф, бета-врач уже привычно покинул помещение.

На службе в Имперской военной академии ему даже не приходилось братья за дело – гонорливые Альфы предпочитали обрабатывать раны сами.

Как только врач ушел, весь медпункт остался в распоряжении двух только что дравшихся заклятых врагов – Се Жуна и Цзун Чихуая.

Остаться в одной комнате с заклятым врагом – это было неловко и неприятно, даже если не проронить ни слова и не обменяться ни единым взглядом.

Цзун Чихуай чувствовал именно это. Он не удержался и покосился на Се Жуна, но тот спокойно начал обрабатывать раны, нисколько не обращая на него внимания.

Они только что подрались, и это перевернуло представление Цзун Чихуая о нем. Парень,

конечно, слабоват, но его упорство вызывало уважение.

«Еле-еле, но может сойти за противника». Но все равно было чертовски стыдно.

Он, S-классовый высший Альфа, не смог одолеть какого-то Се Жуна, которому и десять кило поднять тяжело. Это был позорище.

И еще очень хотелось спросить, как у него получается с ментальной атакой. Насколько он помнил, только обладатели очень сильной ментальной силы могли делать ее атакующей.

Ментальная сила была куда реже физической, и каждый ее носитель был ценным кадром, которого следовало привлекать на свою сторону.

Глядя на хищное красивое лицо Се Жуна и на рану в уголке рта, которая еще не затянулась, Цзун Чихуай чувствовал, как у него чешутся зубы и хочется укусить.

Неизвестно, показалось ли ему, но в тот момент, когда кровь попала в рот, он почувствовал привкус Омежьих феромонов.

Очень похожий на ту самую белую магнолию, что он унюхал тогда. Он промелькнул и сразу исчез.

Цзун Чихуаю оставалось лишь списать это на галлюцинацию. Но сейчас, глядя на профиль Се Жуна, он почему-то ощущал смутное возбуждение.

Проведя языком по клыкам, он хрипловато произнес:

— Эй, Се Жун, не думал, что ты так опытен. Часто тебя бьют?

Его слова с самого начала звучали вызывающе.

Се Жун пропустил это мимо ушей и продолжил мазать йод.

Его игнорирование заставило Цзун Чихуая раздраженно фыркнуть:

— Оглох?

— ...

— Черт, думаешь, мне так хочется с тобой разговаривать?

— ...

— ...Се Жун, я тебе уши отбил?

Цзун Чихуай долго говорил, но не слышал ответа Се Жуна, и уже начал всерьез обдумывать возможность того, что повредил ему уши.

Се Жун: — ...

Он смерил его полным досады холодным взглядом:

— Надо было тогда вам язык отхлестать.

Не умеете говорить - молчите.

Цзун Чихуай чувствовал, что должен бы разозлиться, но на деле же он возбужденно поиграл желваками. Щеки всё еще пылали, но он уже не считал это унижением.

— Се Жун, ты очень даже ничего.

Молодой господин Цзун высокомерно бросил эту фразу. Он поставил Се Жуна на одну ступень с собой.

Из сверстников ранить Цзун Чихуаю мог только один Се Жун.

Ответ Се Жуна был не менее гордым:

— Вы ошибаетесь. Я не просто «ничего».

«А он мне нравится», — не удержался Цзун Чихуай от мысли: — ...Может, объявим перемирие? По мне, ты крутой, ты достоин быть моим другом. Как ты тренировал свою ментальную силу? Вместе мы поставим на уши всю Имперскую военную академию!

Се Жун нашел это забавным:

— Ты — побежденный. Ты еще не имеешь права стоять рядом со мной.

Глядя на обомлевшего Цзун Чихуаю, он насмешливо повел бровью:

— Пусть я и не могу поднять тридцатикилограммовый рюкзак, ты — всего лишь мой побежденный.

— Я и один могу поставить на уши всю Имперскую военную академию. Зачем ты мне?

Вот это наглость!

Цзун Чихуай и сам бы не осмелился сказать, что в одиночку перевернет всю Имперскую военную академию.

Он посмотрел на своего заклятого врага, с которым они сцепились с первой встречи. Видя, как тот небрежно скидывает бровь, ни капли не сомневаясь в своих словах, Цзун Чихуай вдруг и вправду поверил, что у него получится.

Хотя куда уж. Цзун Чихуай хмыкнул и вдруг подошел ближе, выхватив под удивленным взглядом Се Жуна склянку с йодом.

— Чего уставился? Это только твой, что ли? Мне что, нельзя?

Се Жун:

— Как хочешь...

Цзун Чихуай кое-как нанес йод на пару ссадин и увидел, как Се Жун, опустив голову, пытается наложить себе повязку.

Похоже, он делал это впервые: неуклюже, кусок бинта просто намотался на руку. У Цзун Чихуаю тут же загорелись глаза, и он снова выхватил бинт:

— Бестолочь, даже этого не умеешь.

— Дай я.

<http://bllate.org/book/18044/1732420>